

Известия Алтайского государственного университета. 2026. № 2 (148). С. 19–24.
Izvestiya of Altai State University. 2026. No 2 (148). P. 19–24.

Научная статья

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)614-282.2

[https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)2-02](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)2-02)

Государственное регулирование отходничества в первой половине 1930-х гг.

Наталья Анатольевна Потапова

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, skna17talya@mail.ru

Original article

State Regulation of *Otkhodnichestvo* in the First Half of the 1930s

Natalya. A. Potapova

Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia, skna17talya@mail.ru

Аннотация. Традиционное для российской деревни явление — отходничество — в 1920-х — первой половине 1930-х гг. подверглось трансформации с целью установления государственного контроля над трудовой миграцией, в частности из села, и введением организованного снабжения промышленности рабочими. До начала кампании по паспортизации продолжало сохраняться два канала найма рабочей силы из деревни — *хознаборы* и отходничество, однако для крестьян, заключивших договоры с хозяйственными органами, были введены сельскохозяйственные льготы, мотивирующие людей отказываться от неорганизованного отхода. Параллельно с этим из-за проводимой большевиками политики в деревне и начавшимся голодом усугубилась проблема массового переезда населения из деревень. В делопроизводственной документации таких переселенцев также называли отходниками, хотя они не имели отношения к трудовой миграции. В сложившейся обстановке государство приняло меры, направленные на сдерживание жителей села в деревне и социальную чистку городов через введение паспорта. Сельским жителям новые документы не выдавались, что ограничило возможности их передвижения по стране. Введение паспортной системы было нацелено на трансформацию отходничества из стихийной трудовой миграции в систему организованного снабжения индустриальной сферы, в случаях нарушения новых правил проживания на территории страны государство применяло административные и репрессивные меры.

Abstract. The traditional phenomenon of *otkhodnichestvo* (seasonal labor migration) in Russian villages underwent transformation in the 1920s to the first half of the 1930s aimed at establishing state control over labor migration, particularly from rural areas, and introducing organized supply of workers to industry. Until the start of the passportization campaign, two channels for hiring workforce from villages remained: *khoznabory* (economic recruitment drives) and *otkhodnichestvo*. However, agricultural benefits were introduced for peasants who signed contracts with economic authorities, motivating people to abandon unorganized migration. At the same time, due to Bolshevik policies in the village and the onset of famine, the problem of mass relocation of population from villages worsened. In official documentation, such migrants were also referred to as *otkhodniki* (seasonal workers), although they had no relation to labor migration. Under these circumstances, the state took measures aimed at restraining villagers within their settlements and socially cleansing cities through the introduction of passports. Rural residents did not receive new documents, which limited their mobility across the country. The introduction of the passport system effectively transformed *otkhodnichestvo* from spontaneous labor migration into an organized system of supplying industrial sectors, while mass relocations from villages were prohibited under threat of administrative and repressive measures.

Ключевые слова: индустриализация, советская экономика, отходничество, отходники, переселенцы, хозяйственные наборы, паспортизация, паспорт, режимные местности, нережимные местности

Для цитирования: Потапова Н.А. Государственное регулирование отходничества в первой половине 1930-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2026. № 2 (148). С. 19–24. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)2-02](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)2-02).

Отходничество — явление, которое было широко распространено в дореволюционной России, продолжало играть и важную экономическую роль в Советском государстве. Исследование феномена отхода крестьян на заработки и попытки государства контролировать этот процесс в период крупных изменений в социально-экономической структуре Советской страны представляется актуальным с точки зрения изучения трудовых миграций, адаптации населения, в том числе крестьянства, к новым экономическим условиям. Тема отхода сельского населения на заработки в период Российской империи изучена достаточно подробно, однако советское отходничество в отечественной и зарубежной историографии рассмотрено крайне фрагментарно. Так, среди отечественных исследователей, разрабатывающих данную проблематику, стоит отметить Е.А. Андрушина, О.В. Смурова, Ю.М. Плюснина, В.М. Моисеенко и др. [1–4]. Кроме того, иностранные историки, такие как Д. Фильцер, Р.У. Дэвис, Ш. Фицпатрик и др., изучали данное явление в контексте советской индустриализации [5–7]. Несмотря на наличие научных работ, в теме остаются лакуны, которые нуждаются в исследовательской проработке и заполнении, в том числе вопросы, связанные с попытками государства оказывать влияние на миграционные процессы приспособлением крестьянства к новым реалиям, изменениями на рынке труда, дальнейшим развитием отходничества в СССР и т.д. Исследование данной проблематики способствует углублению понимания ключевых аспектов развития советской экономики и общества.

К рубежу 1920–1930-х гг. правительственные задачи в социально-экономической области, связанные с обеспечением плановости регулирования рынка труда, организованным снабжением трудовыми резервами промышленной сферы, перераспределением рабочей силы, освобождением бирж труда от кадров, работавших по найму, разгрузкой городов и т.д., не были окончательно решены. Политика большевиков в деревне в конце 1920-х — начале 1930-х гг. обострила ситуацию с сельской миграцией, возобновилось массовое бегство крестьян из деревень. В создавшихся условиях государство пыталось различными методами, в том числе и репрессивными, остановить несанкционированные перемещения

Keywords: industrialization, Soviet economy, *otkhodnichestvo*, *otkhodniki*, migrants, *khoznabory*, passportization, passport, regulated territories, non-regulated territories

For citation: Potapova N.A. State Regulation of *Otkhodnichestvo* in the First Half of the 1930s. *Izvestiya of Altai State University*. 2026. No 2 (148). P. 19–24. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2026\)2-02](https://doi.org/10.14258/izvasu(2026)2-02).

по причинам дальнейшего ухудшения социальной и экономической ситуации в городах. Однако промышленность остро испытывала необходимость в рабочих, так как избыток трудовых ресурсов в рассматриваемый период сменился дефицитом кадров. В условиях кадрового голода отказ от труда крестьян-отходников (крестьяне, практиковавшие временный сезонный уход из сельской местности в промышленные центры с целью дополнительного заработка) в индустриальной сфере не представлялся возможным. Однако создаваемая в деревне система коллективного хозяйствования требовала от местных властей выполнения производственных планов, что заставляло последних препятствовать отходу крестьян на временные промыслы и сезонные работы. Это приводило к еще большему обострению ситуации с дефицитом разнорабочих в промышленной сфере.

В реалиях 1930-х гг. изменилось само представление об отходничестве. Советская власть под этим понимала не только традиционное для российской деревни явление, но и маскировала этим термином многочисленный уход населения из сельской местности в города на постоянное место жительства вследствие проводимых большевиками реформ конца 1920-х — начала 1930-х гг. и голодом 1932–1933 гг. Фактически в это время в делопроизводительной документации появилось две категории крестьян, объединенных одним термином, которые преследовали разные цели при отправлении в город. Первая группа сельских жителей — временные мигранты или традиционные отходники, которые нанимались на работу в города или промышленные центры для улучшения своего материального благосостояния, вторая — крестьяне-переселенцы, бежавшие в другую местность от голода, коллективизации, раскулачивания в поисках постоянного места жительства. Далее в статье речь пойдет как об отходниках, так и о переселенцах, так как власть в отношении этих двух категорий принимала неодинаковые меры, направленные на их интеграцию в советское общество в период паспортизации.

Сделав ставку на индустриальное развитие страны, центральная власть издала в начале 1930-х гг. ряд законов, регулирующих крестьянский отход. Первым шагом в этом направлении стало созданное в марте 1930 г. Постановление СНК СССР «Об устранении

препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы». Данный документ не только запрещал создавать преграды для отходников, но и вводил уголовную ответственность для тех, кто пытался нарушить данное указание, ответственность за исполнение этого распоряжения возлагали на председателей окружных и районных исполнительных комитетов [8]. Фактически эта мера санкционировала бегство крестьян от коллективизации и раскулачивания под видом ухода в города для поиска работы в промышленной сфере. Поэтому уже через год была принята новая мера, корректирующая весеннее распоряжение 1930 г. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. № 10/458 «Об отходничестве» [9], вводившее систему организационного набора, участие в которой поощрялось льготами стимулирующего характера. Крестьяне, не заключившие договор с хозяйственными органами, не могли претендовать на их получение, а нарушение договорных обязательств рассматривалось как основание для лишения правительственных субсидий, к числу которых относились освобождение от денежных отчислений, сельскохозяйственного налога.

Предполагалось, что принятое решение привлечет крестьян к участию в отходе в условиях дефицита кадров в промышленном секторе, а также остановит масштабное бегство сельского населения из деревень, перенаправив неконтролируемый поток мигрантов в организованную систему снабжения производства, в которую превращалось традиционное отходничество. Постановление, с одной стороны, имело определенные успехи. Численность отходников в 1931 г., в том числе заключивших договор с хозяйственными органами, составила 5454 тыс. чел. Однако в следующем году этот показатель сократился почти в 1,5 раза [10, с. 120]. Далее на протяжении всех 1930-х гг. цифра не достигала значения 1931 г., а со второй половины рассматриваемого десятилетия наблюдалось ее постоянное уменьшение. С другой — постановление не остановило массового переселения крестьян в города, что подтверждается переписями 1926 и 1939 гг. За этот временной промежуток доля городского населения возросла с 17,9% до 29,2% соответственно [11, с. 77–79]. Несмотря на предпринятые советской властью попытки, пик миграции сельского населения в условиях репрессивных кампаний в деревне приходился именно на 1931 г., составив около 1,5 млн чел. [12, с. 349–352]. И так, форсированная индустриализация и массовые репрессии в деревне способствовали обострению социальных проблем, в том числе появлению потоков переселенческого населения в городах, росту численности горожан за счет притока крестьян, возникновению перебоев с товарным снабжением, что стало причиной введения карточной системы распределения, усилению жилищно-бытового кризиса, росту уголовной преступности. В целом

в сложившейся обстановке государство принимает меры, направленные на сдерживание крестьян в деревне и социальную чистку городов.

Уже в 1932 г. в стране стартовала кампания по паспортизации советского населения. В середине ноября 1932 г. вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов», за которым последовало совместное Постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» от 27 декабря 1932 г., сопровождаемое «Положением о паспортах». Последовавшее Постановление СНК СССР № 43 от 14 января 1933 г. «Об утверждении инструкции о выдаче паспортов» конкретизировало уже имеющиеся документы. Затем было принято Постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 г. № 861 «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР», утвержденное решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1933 г.

Согласно этим документам начавшаяся кампания делила всех граждан страны на паспортизированных и тех, кому паспорт не выдавали [13, с. 180–181]. Первая группа обладала более широкими правами на проживание, передвижение и трудоустройство в стране. Ко второй группе относились сельские жители. Выдача паспортов крестьянам, постоянно проживающим в деревне, не предполагалась, соответственно часть населения теряла возможность беспрепятственного выезда в города и другие районы. Их регистрация осуществлялась по «поселенным» спискам сельскими и поселковыми советами под наблюдением районных управлений РК милиции.

Помимо введения учета населения, новый режим предполагал разделение паспортизированных территорий на обычные и режимные [14, с. 137]. В последних не допускалось проживание тех категорий людей, которые советской властью были отнесены к «неблагонадежным» и «социально опасным» элементам, а именно: бежавшие из деревень кулаки, бывшие заключенные и ссыльные, промышленные рабочие, трудящиеся в индустриальной сфере без хозяйственного договора и ряд других социальных групп [15, л. 109–114]. Паспорт становился единственным документом, удостоверяющим личность владельца. Он требовался для прописки, устройства на работу, а также его необходимо было предъявлять по требованию милиции и других административных органов. За нарушение паспортного режима вводились наказания вплоть до заключения в исправительно-трудовые лагеря.

В новых реалиях сельские жители были серьезно ограничены в праве проживания в городских населенных пунктах, особенно в режимных, необходимым условием проживания в которых являлся паспорт. Он же являлся не только документом, разрешающим постоянное пребывание в городе, но и основанием

для трудоустройства наряду с временным удостоверением. В этих официальных бумагах работодатель обязывался отмечать даты поступления и увольнения, что для милиции служило фильтром при проведении социальной чистки. Фактически одним из немногих сохранившихся каналов переезда в паспортные местности, в том числе и режимные, для сельских жителей оставалось отходничество. Советская промышленность в 1930-е гг. все еще нуждалась в рабочих, поэтому полностью ввести запрет на въезд сельчанам в города на постоянное или временное жительство не представлялось возможным. В этой связи принятые решения 1932–1933 гг. регламентировали, в частности, и порядок отхода жителей на заработки в условиях паспортизации.

Апрельское постановление 1933 г. регламентировало порядок пребывания сельских жителей в городах. Для выезда из деревни крестьянин обязывался представить документы, подтверждающие цель его визита. К такого рода основаниям относились приглашение на работу, договор о вербовке, справка правления колхоза об отходе и т.д. Иными словами, от сельских жителей требовали документального обоснования целей их отъезда в город, которое подтверждало их намерение заниматься «общественно полезным трудом» на производстве, в учреждениях, в школе. На основании официальных бумаг районные или городские управления РК милиции по месту жительства выдавали паспорта сроком на 1 год [16]. По истечении этого времени крестьяне могли рассчитывать на получение документа, удостоверяющего личность, на общих основаниях. Отдельные предписания регулировали отхожие промыслы — серьезный канал пополнения промышленного сектора. Январская инструкция СНК 1933 г. предписывала населению, занимавшемуся сезонными промыслами, по месту жительства получать временные удостоверения (паспорта). Их можно было продлить в региональных отделениях милиции, но при обязательном наличии заявления от администрации хозяйственных органов [17]. На основании такого заявления осуществлялась прописка — обязательная регистрация по месту жительства. В случае отсутствия необходимых документов с места работы в ней отказывали.

Следующей мерой, отменявшей решение «Об отходничестве» от 30 июня 1931 г. и вводившей новые правила регулирования временного ухода крестьян в период паспортизации, стало Постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке отходничества из колхозов», принятое 17 марта 1933 г. [18]. Этот документ окончательно утвердил систему хознаборов как единственно возможный путь трудоустройства крестьянам на промышленные объекты и ввело ряд бюрократизированных правил с целью создания дополнительных препятствий для неконтролируемой миграции. Нарушение пунктов грозило исключением из колхоза. По новым предписаниям для найма на сезонную

работу следовало не просто заключать специальный договор с хозорганами, но и регистрировать его в колхозе. Только в этом случае отходники и члены их семей могли рассчитывать на льготы, установленные ранее законом.

Итак, в условиях паспортизации и введенных ограничений проживания в ряде местностей отходникам разрешалось выдавать временные удостоверения личности или годичные паспорта и разрешения на краткосрочное пребывание в городах, но при условии наличия документов, подписанных администрацией колхозов, санкционирующих выезд из деревни. Через год крестьяне имели возможность обменять временный паспорт на полноценный трехлетний в соответствии с новым местом жительства его обладателя. Паспорта отходников подлежали прописке на трехмесячный срок, по истечении которого требовалось продлевать прописку в органах милиции, что давало последней возможность контролировать эту категорию населения. Фактически отходничество являлось легальным и чуть ли не единственным каналом для урбанизации в период первой половины 1930-х гг.

Согласно официальной статистике, масштаб отходничества в 1933–1935 гг. был значителен, хотя с 1933 г. учитывался только оргнабор: 1933 г. — 1887 тыс. чел., 1934 г. — 3247 тыс., 1935 г. — 3124 тыс. [10, с. 120]. Тем не менее в советской промышленности сохранялся недостаток рабочих кадров, особенно в сезонных отраслях, частично это объяснялось вновь принятыми мерами и ограничениями, так как предприятия не могли принимать на работу сельских жителей без документов от колхозов или сельсоветов, подтверждающих разрешение выезда. Очевидно, что в таких условиях, опасаясь невыполнения государственных планов и программ, директора предприятий и учреждений прибегали к приему на работу беспаспортных крестьян, бежавших из деревни вследствие голода и массовых репрессий [19].

В этой связи были приняты новые ограничительные меры — Постановление № 193 «О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами» от 19 сентября 1934 г. [20, л. 37] и последующий за ним циркуляр главного управления РК милиции НКВД СССР «О порядке прописки в режимных местностях колхозников-отходников» от 27 сентября 1934 г. [20, л. 36]. Действие этих документов распространялось на крестьян-переселенцев, кто имел цель переезда в город на постоянное место жительства. Согласно правилам от 1934 г. сельские жители непаспортизованных районов, самовольно покинувшие место проживания, не могли быть приняты на работу в режимных местностях. Но при наличии у них паспортов, полученных по месту жительства, и справки, выданной сельской администрацией и разрешающей переезд, их могли принимать в штат предприятий и учреж-

дений. Однако эта категория попадала под строгий контроль милиции, так как прописка их паспортов производилась один раз в три месяца, по истечении этого времени повторная прописка осуществлялась по заявлению администрации предприятий. В случаях оставления работы или увольнения с нее следовал запрет на проживание в режимной местности и немедленное выселение в административном порядке.

Правила въезда и проживания в нережимных местностях определились к 1935 г. [21]. Согласно инструкции по паспортной работе, подготовленной весной 1935 г., помимо трехгодичных и годичных паспортов существовали временные удостоверения сроком до трех месяцев, которые выдавались сельским жителям в период их отъезда на работу в паспортизированные местности. Такая бумага являлась основанием для проживания в обычных регионах, не относящихся к режимным.

Таким образом, к 1935 г. были разработаны правила въезда сельских жителей в режимные и нережимные местности. В условиях установления паспортного режима в СССР отход крестьян в города для найма на работу оставался одним из немногих путей сельской миграции. С одной стороны, государство активно привлекало жителей села к отходу через предоставление им сельскохозяйственных льгот. Руководство страны было заинтересовано в привлечении кадров из сельской местности, так как форсированная индустриализация привела к недостатку рабочих в промышленной отрасли. С другой, для борьбы с массовым бегством крестьян вследствие большевистской

политики в деревне на рубеже 1920–1930-х гг. отходничество было затруднительным из-за введения паспортной системы, так как требовало от желающих уйти на заработки в промышленные местности список разрешающих документов, к которым относились договор с хозяйственным органом и справка от администрации колхоза, санкционирующая отход. На основании этих документов милиция могла выдавать паспорта, дающие право проживания в режимных и нережимных местностях. Однако в паспорте предприятия обязывались отмечать сроки приема и увольнения с работы, т.е. с помощью этой меры государство пыталось регулировать миграционные потоки, в частности из деревни, и удовлетворять нужды народного хозяйства в рабочей силе, одновременно не оставляя человека без контроля со стороны милиции. Увольнение с работы и соответствующая отметка об этом в паспорте являлись основанием для применения административных мер воздействия к нарушителю. Фактически к середине 1930-х гг. традиционное российское отходничество трансформировалось под государственным давлением в систему хозяйственных наборов, а паспорт или временное удостоверение являлись необходимыми документами для приема на работу. Если до начала кампании по паспортизации стихийный отход сельских жителей на заработки допускался, то с 1933 г. он был полностью запрещен. Однако введение паспортной системы не решало проблему массового бегства крестьян из деревни, поэтому в последующие годы государство продолжило реформирование установленного в 1932–1933 гг. паспортного режима.

Библиографический список

1. Андрушин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый Хронограф, 2012. 464 с.
2. Смурова О.В. Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX — начале XX вв.). Кострома: Изд-во КГТУ, 2008. 203 с.
3. Плюснин Ю.М. Отходники. М.: Новый Хронограф, 2013. 288 с.
4. Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 51–62.
5. Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941. London: Pluto Press, 1986. 324 p.
6. Davies R.W. The Industrialisation of Soviet Russia, Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London. Macmillan Press, 1996. 612 p.
7. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 422 с.
8. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (далее — СЗ СССР). 1930. № 18. Ст. 206.
9. СЗ СССР. 1931. № 42. Ст. 286.
10. Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса: 1917–1940 гг. М.: Мысль, 1976. 264 с.
11. Кесслер Х. Коллективизация и бегство из деревни — социально-экономические показатели. 1929–1939 гг. // Экономическая история. Обзорение. М., 2003. Вып. 9. С. 77–79.
12. Голод в СССР. 1929–1934. В 3 т. Т. 1. Кн. 2. М.: МФД, 2011. 656 с.
13. Чернолуцкая Е. Н. Принудительная миграция на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 511 с.
14. Байбурин А. К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: ЕУСПб, 2017. 488 с.
15. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 14а. Д. 740.
16. СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 516.

17. СЗ СССР. 1933. № 3. Ст. 22.
18. СЗ СССР. 1933. № 21. Ст. 116.
19. Отчет комиссии ВЦИК о выполнении постановления ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. и постановления СНК СССР от 28 апреля 1933 г. об установлении единой паспортной системы и об обязательной прописке паспортов в г. Ленинграде и Ленинградской области // Сайт о жизни и деятельности И.В. Сталина. URL: <https://stalinism.ru/pasportizatsiya-1932-1934/otchet-komissii-vtsik-o-vypolnenii-postanovleniya-tsik-i-snk-sssr-ot-27-dekabrya-1932-g-i-postanovleniya-snk-sssr-ot-28-aprelya-1933-g-ob-ustanovlenii-edinoj-pasportnoj-sistemy-i-ob-obyazatelnoj-propiske-pasportov-v-g-leningrade-i-leningradskoj-oblasti.html> (дата обращения: 23.08.2025).
20. ГАРФ Ф. Р-9415сч. Оп.3. Д. 8.
21. Попов В. П. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 185–203.

References

1. Andryushin E.A. *From the History of the Labor Legislation of the USSR and the Policy of the Soviet Government in the Field of Labor Resources*. Moscow: Novyy Khronograf, 2012. 464 p. (In Russ.)
2. Smurova O.V. *Between the City and the Countryside (the Way of Life of a Otkhodnik Peasant in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)*. Kostroma: Izd-vo KGTU, 2008. 203 p. (In Russ.)
3. Plyusnin Yu.M. *Otkhodniks*. Moscow: Novyy Khronograf, 2013. 288 p. (In Russ.)
4. Moiseenko V.M. Departure of the Rural Population to Work in the USSR in the 1920s. *Narodonaselenie*. 2017. Vol. 77. No 3. P. 51–62. (In Russ.)
5. Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941*. London: Pluto Press, 1986. 324 p.
6. Davies R.W. *The Industrialisation of Soviet Russia, Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933*. Basingstoke; London: Macmillan Press, 1996. 612 p.
7. Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: a Social History of Soviet Russia in the 1930s: the Village*. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2001. 422 p. (In Russ.)
8. *Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR*. 1930. No 18. Art. 206. (In Russ.)
9. *Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR*. 1931. No 42. Art. 286. (In Russ.)
10. Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. *Growth of the Working Class: 1917–1940*. Moscow, Mysl, 1976. 264 p. (In Russ.)
11. Kessler H. Collectivization and Flight from the Village — Socio-Economic Indicators. 1929–1939. *Economic History Review*. Moscow, 2003. Iss. 9. P. 77–79. (In Russ.)
12. *Famine in the USSR. 1929–1934*. In 3 vols. Vol. 1. Book 2. Moscow: MFD, 2011. 656 p. (In Russ.)
13. Chernolutskaia E.N. *Forced Migration in the Soviet Far East in the 1920s–1950s*. Vladivostok, Dal'nauka, 2011. 511 p. (In Russ.)
14. Baiburin A.K. *Soviet Passport: History — Structure — Practices*. Saint Petersburg, EU SPb, 2017. 488 p. (In Russ.)
15. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. F. R-5446. Op. 14a. D. 740. (In Russ.)
16. *Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR*. 1932. No 84. Art. 516. (In Russ.)
17. *Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR*. 1933. No 3. Art. 22. (In Russ.)
18. *Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR*. 1933. No 21. Art. 116. (In Russ.)
19. Report of the All-Russian Central Executive Committee Commission on the Implementation of the Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of December 27, 1932 and the Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of April 28, 1933 on the Establishment of a Unified Passport System and on the Mandatory Registration of Passports in the City of Leningrad and the Leningrad Region. *Website about the Life and Work of Joseph Stalin*. URL: <https://stalinism.ru/pasportizatsiya-1932-1934/otchet-komissii-vtsik-o-vypolnenii-stanovleniya-tsik-i-snk-sssr-ot-27-dekabrya-1932-g-i-postanovleniya-snk-sssr-ot-28-aprelya-1933-g-ob-ustanovlenii-edinoj-pasportnoj-sistemy-i-ob-obyazatelnoj-propiske-pasportov-v-g-leningrade-i-leningradskoj-oblasti.html> (accessed: 23.08.2025).
20. GARF F. R-9415sch. Op. 3. D. 8. (In Russ.)
21. Popov V.P. Passport System of Soviet Serfdom. *Novy Mir*. 1996. No 6. P. 185–203. (In Russ.)

Информация об авторе

Н.А. Потапова, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия.

Information about author

N.A. Potapova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia.